

УДК 316.323.6: 316.44 (47+57)

**КРИТИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИЛЫ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ**© 2012 г. **Е. В. Сусименко****Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)**

В статье рассмотрена проблема силового предпринимательства в России 1990-х гг., выявлена корреляция между ростом организованной преступности и введением рыночных реформ; некоторые аспекты теории силового предпринимательства подтверждены российскими реалиями 1990-х гг.; даны характеристики неформальной силовой структуры российского общества; выявлена связь российских бандитов и капиталистов; рассмотрены последствия приватизации силовых ведомств. Все это суть свидетельства скрытого распада (фрагментации) российского государства того периода.

Ключевые слова: *силовое предпринимательство; организованная преступность; индустрия частных охранных услуг; типы преступных действий; частная собственность; приватизация; экономическая продуктивность; транзакционные издержки; теневая экономика.*

The article considers the challenge of power entrepreneurship in Russia of 1990es, reveals the correlation between the growth of organized crime activity and introduction of market reforms; some aspects of the theory of power entrepreneurship have been proved by Russian realities of 1990es; the characteristics of the informal power structure of the Russian society are given; the link between Russian criminals and capitalists has been highlighted, the consequences of privatization of defense and law enforcement agencies have been considered. All of them bear witness to the latent disintegration (fragmentation) of the Russian state of that period.

Key words: *power entrepreneurship; organized crime activity; the industry of private security services; types of criminal actions; private ownership; privatization; economic efficiency; transactional costs; black market.*

Реформа социализма в СССР вызвала множество непредвиденных последствий, включая рост организованной преступности. При этом рост преступности (на 100 тыс. населения в 1985 г. составлял 989,8, а в 2000г. — 2018,2) большинство исследователей объясняют девиантным поведением или аномией — отсутствием социально адекватных норм, регулирующих правовую реакцию общества на негативные явления, и адекватного законодательства, регулирующего экономические, социальные, политические отношения между гражданами и социальными институтами [2, с. 81]. Однако дан-

ный подход не позволяет выявить механизмы формирования и воспроизводства преступных сообществ. Обычно рост преступности обсуждается в контексте присущего русским беззакония и традиционной культуры неформальных отношений. В этом случае политико-экономические и культурные особенности советского социализма преобразуются в термин «красная мафия» для описания преступного союза партийной номенклатуры и дельцов теневой экономики в целях незаконного присвоения общественной собственности. Но перекладывание вины на прошлое выводит из-под критики политику «шоковой тера-

пии», приватизации и другие элементы либеральных реформ, которые просто транслировали советскую систему личных (персонифицированных) отношений в новые условия.

Для объяснения указанных явлений ряд исследователей применяют неоинституциональную теорию Д. Норта [1; 3; 4] и фиксируют параллель между сицилийской мафией и русской преступностью как индустриями частных охранных услуг, которые возникли в Сицилии и России сразу после введения частной собственности. Это — деятельность по охране прав собственности и контролю за исполнением контрактных обязательств при низком уровне доверия: деловая культура не обеспечивает взаимодействия, а правовые институты слабы и не пользуются авторитетом у населения.

Анализ феномена силового предпринимательства требует рассмотрения проблем организованной преступности и рыночных реформ; теории силового предпринимательства; специфики силового предпринимательства в России 1990-х гг.; неформальной силовой структуры; связи российских бандитов и капиталистов; приватизации силовых ведомств; формирования государства как исторического процесса; скрытого распада (фрагментации) российского государства.

До 1988 г. вымогательство не было распространенным преступлением. В 1989 г. число случаев вымогательства увеличилось втрое. Но эта тенденция не дает адекватного представления о масштабах явления: лишь каждый четвертый потерпевший обращался в органы внутренних дел; милиция реагировала в 80% случаев; обвинения предъявлялись лишь каждому шестому вымогателю; срок (не более 3 лет) отбывал каждый одиннадцатый. Для критического отношения к указанной тенденции описываются источники (возрастное распределение, спорт, участники афганской войны, российский рынок) и феномен криминальной мобилизации.

Когорты 1966–1972 годов рождения дают почти 40% лиц, попавших в базу данных РУБОП. Они окончили школу или вернулись из армии в 1984–1990 гг. и встали перед выбором жизненного пути. Как раз в этот период правительство начало реформировать экономику. Приняло законы об индивидуальной трудовой деятельности (1986 г.), кооперации

(1988 г.), предприятия и предпринимательской деятельности (1990 г.). В период реформ сверху увеличилась организованная преступность. Молодежь получила возможность культивировать насилие в определенных социальных институтах.

Многие лидеры и члены ОПГ вышли из спортивной среды. В СССР силовые единоборства были приписаны к Министерству внутренних дел и Министерству обороны и культивировали насилие. Конверсия насилия в подчиненные правилам соревнования зависит от способности государств поддерживать спорт. Но по мере ослабления государства боевые искусства и силовые единоборства дают человеческие ресурсы для создания негосударственных силовых организаций. Поэтому советское государство «...запустило опасный процесс адаптации спортсменов к новым условиям, что выразилось в поисках иных способов приложения полученных ранее навыков» [1, с. 22–23].

Другой источник ОПГ — ветераны афганской войны и милиционеры. На протяжении 1990-х гг. по 25 тыс. сотрудников (примерно ¼ всех покидавших органы МВД) ежегодно исключались за правонарушения и 15 тыс. привлекались к уголовной ответственности [1, с. 29; 3].

Частная торговля и производство тоже стали ресурсной базой бандитов и фактором применения силы ради извлечения дохода.

Итак, основные контуры российской экономической модели сформировались в период дебатов о гласности, частной собственности, новом политическом мышлении и устройстве. Базар и спортзал — истоки современного российского капитализма: рынок стал экономической базой новых групп, которые обеспечили охрану торговцев и предпринимателей.

На этой основе В. Волков формулирует ключевое положение: организованная уголовная преступность тождественна правительству в мире законного бизнеса [1]. Для доказательства тождества исследователь описывает типы преступных действий: силовые ОПГ, без роста которых остальные виды преступной деятельности не получили бы широкого распространения; другие преступные группы вырастают под прикрытием первых, хотя заняты традиционными видами

преступной (или легальной коммерческой) деятельности.

Определение «организованная преступность» выражает точку зрения государства, поскольку она может осмысливаться так лишь при наличии государства и эффективной системы права. При отсутствии или слабости последних возникает совокупность слабо легитимизированных конкурирующих силовых организаций. Поэтому они рассматриваются как подобные, а не подразделяются на легальные (легитимные) и преступные.

Основанием такого подобия является следующий факт: в современном русском деловом языке термин «крыша» означает группы и решения, обеспечивающие безопасность и контроль, независимо от их правового статуса. Все частные охранные предприятия, сотрудники органов правопорядка и государственной безопасности (ГБ) заняты «крышеванием» — использованием силового и информационного ресурса для предоставления набора определенных услуг на коммерческой основе. Но в отличие от европейских, американских и азиатских мафий российская крыша не всегда является секретной преступной организацией, а включает широкий выбор форм охраны и принуждения — от криминальных до государственных.

Главный элемент социальной структуры на протяжении истории — институциональный раздел агентов: одни используют силу для охраны и управления (политическая власть); другие производят блага и вынуждены покупать охрану. Использование силы как тип социального действия отличается от экономического действия. На этом основании возникло деление на владельцев средств насилия («силовики») и владельцев капитала. Для обозначения владельцев средств насилия В. Волков использует термин «воинственный человек» (*homo militaris*), который введен Т. Вебленом (в противоположность *homo economicus*). Этот тип образует предмет анализа, поскольку в России социальные группы бандитов и государственных силовиков влияют на общественные преобразования. Отсюда вытекает вопрос: как связана динамика негосударственного насилия с формированием государства?

На этот вопрос отвечает теория силового предпринимательства. Она базируется на ана-

лизе социальных типов владельцев средств насилия и капитала: «Группы и организации, ответственные за обеспечение безопасности, включая производство соответствующей информации, а также за ряд других функций, связанных с возможностью распоряжаться средствами насилия, редко попадали в поле зрения экономического анализа и оставались в ведении либо политической науки, либо правоведения (или даже криминологии)» [1, с. 47]. Именно на эти группы и организации направлен анализ В. Волкова.

Политэкономия силы включает две формы дохода — охранную дань и охранную ренту. Производители материальных благ вынуждены платить правительствам за охрану. Такая плата выступает в виде непосредственных (плата за обеспечение безопасности) и превращенных (налоги, тарифы, подарки, взятки) форм. Государства обычно собирают охранную дань: «Чистый доход военной элиты складывался из совокупных сборов с подданного мирного населения минус затраты на содержание войска или ведение войны. Правительство получало нечто наподобие монопольного дохода, который во многих случаях инвестировался обратно в экономику» [1, с. 50].

Экономическая продуктивность правительств и других силовых организаций возможна при допущении: перераспределение ресурсов от слабых стран в пользу сильных — естественный и неизбежный процесс; продуктивность государства измеряется его выигрышем в условиях игры с нулевой суммой. Но асимметрия информации о свойствах благ, участниках обмена, необходимость контролировать соблюдение договорных обязательств вызывают трансакционные издержки. Значит, понятие трансакционных издержек Д. Норта продуктивно при анализе силовых структур, поскольку перед ними возникает проблема выбора экономической политики.

Обычно силовые структуры не в состоянии создать эффективные институты контроля прав собственности: «Напротив, они склонны к чрезмерному и экономически непродуктивному изъятию и присвоению ресурсов экономического общества — до тех пор, пока конкуренция или организованный интерес последнего не поставят жесткие пре-

дела удовлетворению текущих потребностей государства и не переориентируют его на учет долгосрочных интересов экономического развития... Отношения между организациями, владеющими средствами насилия, и их политика по отношению к экономическим субъектам, для которых они выступают в качестве источников безопасности и контроля за соблюдением правил, решающим образом влияют на экономические показатели той области, в которой каждый из них — будь то государство или частная охранная организация — обладают монополией» [1, с. 54–55]. Требуется анализ всего круга данных отношений.

Определение и типология. В общем виде силовое предпринимательство — это средство извлечения и увеличения частных доходов групп, владеющих и распоряжающихся средствами насилия путем обмена с другими группами, владеющими другими ресурсами. Все занятые в этой области специалисты — силовые предприниматели. Понятие «силовое предпринимательство» позволяет описать: деятельность преступных групп, законных и неформальных организаций и государств; множество решений и способов действия по конвертации силы в деньги и другие рыночные блага на постоянной основе; конституирование социального (потенциального и реального) насилия.

В России на протяжении 1990-х гг. сложилась следующая типология силовых структур и предпринимателей: незаконные частные (ОПГ), законные частные (частные охранные предприятия и службы безопасности), незаконные государственные (неформальные группы сотрудников МВД и ГБ), законные государственные (действующие по инструкции органы правопорядка и ГБ). В реальной жизни они смешаны и представляют три вида услуг: физическая охрана, силовое партнерство, силовое посредничество (защита прав собственности, разрешение споров, принуждение к исполнению, создание с помощью силы преимуществ своим клиентам) [4].

Доход силовых предпринимателей принимает форму дани и налога (на прибыль, с оборота) с клиентов или жителей определенной территории. Дань и налоги собираются регулярно в соответствии с более-менее постоянной ставкой оплаты услуг. Для сило-

вого предпринимательства нужна высокая степень монополизации силы внутри сферы правления и налогообложения. Поэтому владельцы средств насилия мыслят в терминах территории, сфер влияния, границ. За пределами этих сфер находится пространство неопределенности, угроз, конкуренции. Это служит обоснованием деятельности силовых предпринимателей. Монополия силы и иерархия внутри определенной сферы и конкуренция (анархия) за ее пределами — логические условия силового предпринимательства.

Отсюда вытекает общее следствие: «Если некая силовая структура (в предельном случае — государственный аппарат насилия в целом) подчинена более высокой инстанции или находится под общественным контролем, то ее возможности вести силовое предпринимательство существенно ограничены (в сфере международной политики в случае суверенных государств такие ограничения очень слабы). И наоборот: когда государственные служащие, имеющие доступ к соответствующим ресурсам, выходят из-под контроля вышестоящих инстанций и получают возможность извлекать дополнительный доход от распоряжения этими ресурсами как частные лица, они становятся силовыми предпринимателями» [1, с. 58].

Иначе говоря, чем больше независимость государства от общества, тем больше члены государственного аппарата превращаются в явных и скрытых силовых предпринимателей. История СССР/России позволяет детально обосновать данный вывод.

На исходе советской власти теневая экономика включала: производство неучтенной продукции, подпольное производство алкоголя, спекуляцию дефицитными товарами, мошенничество, антикварный бизнес, подпольный игорный бизнес и пр. Крышей подпольных миллионеров выступала партгосноменклатура. Банды вымогателей в то время состояли из уголовников. Одновременно юристы спорили об определении вымогательства. Доказать его факт трудно, с учетом скрытого и непрямого характера угроз. Поэтому вымогательство стало популярным бизнесом и превратилось в охранный рэкет. Силовое предпринимательство в России 1990-х гг. — это переход от вымогательства к охранным услугам.

Статистика насилия над предпринимателями отсутствует. Они не всегда обращались в милицию. А при обращении эти случаи растворялись в показателях других видов преступлений: хулиганство, нанесение телесных повреждений, поскольку основными инструментами вымогателей стали паяльник и утюг. Вымогательство — строгое уголовно-правовое понятие, за которым стоит конкретный эпизод. Охранный рэкет — это система социально-экономических отношений, которая выходит за рамки взаимодействия двух субъектов и влияет на поведение участников.

Элементарные формы охранного рэкета сложились на городских рынках в виде навязывания охранной дани и услуг. Коммерсанты не имели своих силовых ресурсов и были вынуждены нанимать бандитов. Но быстро заработала и обратная логика: бандиты ставили «своих» коммерсантов, давая им подъемные деньги и обеспечивая охрану от посягательств себе подобных. Размер дани начинался с 300–400 долл. в месяц, по мере развития предприятия возрастал до 20–30% прибыли.

Наибольшей популярностью рэкетиров пользовались малые предприятия в сфере услуг, оптовой и розничной торговли, с низкими инвестиционными потребностями, быстрым и значительным наличным оборотом и простой схемой деятельности. Уже в 1996 г. дань стала рутиной. Но по сравнению с произволом налоговых органов и чиновников предприниматели признали контакты с рэкетом менее проблематичным. Считали частные охранные структуры заменителем государственных органов правопорядка и суда.

Затем стороны устанавливали взаимовыгодные экономические отношения.

Но претензии на охрану содержали неявное утверждение права собственности: «...суть этих элементарных неформальных отношений собственности лежит не в отношениях между бандитами и коммерсантами, а прежде всего в отношениях между самими владельцами средств насилия (ОПГ или другими силовыми структурами). По сути, право собственности по отношению к активам бизнеса обеспечивалось наличием силового ресурса и реализовывалось в отстаивании силовой структурой права на получение охранной дани перед другими претендентами» [1, с. 70]. По мере развития акционерных форм собственности силовые структуры (через учрежденные компании) становились совладельцами охраняемых предприятий.

Литература

1. Волков В. В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 350 с.
2. Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. — СПб., 1999. — 167 с.
3. Коленникова О. А., Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции. // Социс. — 2004. — №3. — С. 73–83.
4. Сусименко Е. В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. — 256 с.

Поступила в редакцию

02 февраля 2012 г.

Елена Владимировна Сусименко — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации ЮРГТУ (НПИ).

Elena Vladimirovna Susimenko — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor, head of SRSTU (NPI) Foreign Languages for Professional Communications department.

346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Энгельса, д. 83-А, кв. 5
83-A Engelsa st., app. 5, 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-59-81, +7 (928) 760-64-95; e-mail: lesusima@yandex.ru
